

СЕРИЯ

РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

СЕРИЯ

РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

Ирина Ракша

ТОЛЬКО СВЕТИ, СВЕТИ

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовётся.
Посеять в душах благодать,
Увы, не всякий раз даётся.*

Фёдор Тютчев

Москва
Интернациональный Союз писателей
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6
Р19

Ракша, Ирина

Р19 Только свети, свети / Ирина Ракша. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. — 340 с. — (Серия «Родина Зовёт!» премии им. А. Т. Твардовского).

ISBN 978-5-6052035-6-8

Перед вами замечательная книга. Это не только художественная проза большого мастера слова. В ней редкая информация «о времени и о себе», о героях веков минувших и дне сегодняшнем. И о современниках: М. Светлове и Р. Гамзатове, Ю. Визборе и Л. Шепитько, М. Кариме и К. Кулиеве, Ю. Соломине и П. Севаке, Ю. Ракше и А. Куросаве. Это бесценные воспоминания, мемуары, эпистолярное наследие героев. Эта книга словно энциклопедия времени. Её автор — Ирина Евгеньевна Ракша — известный писатель, кавалер государственных наград, лауреат литературных премий. Её имя включено в энциклопедии, в «Книгу рекордов России». В её честь Российская академия наук назвала малую планету № 5083 ИРИНАРА. Имеет звания: академик Академии российской словесности, народный писатель РФ, «Золотое перо России».

Итак, вы на пороге увлекательного чтения и новых открытий!

На обложке книги фрагмент картины художника Юрия Ракши «Да здравствует жизнь!»

**УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-6052035-6-8

© И. Ракша, 2024

К читателю

Я родилась в Останкино, москвичка в четвёртом поколении. Родители — выпускники ТСХА, агрономы. В войну с фашистами мой отец-танкист дошёл до Берлина. Мы с мамой эвакуацию пережили в Сибири. В Москве я училась в общеобразовательной и музыкальной школах. С 1954 по 1957 год работала на целине, на Алтае, в совхозе «Урожайный». Окончив десятилетку в селе «Советское», вернулась в Москву и поступила во ВГИК (сценарный факультет). Где и вышла замуж за художника Юрия Ракшу (Теребилова) и родила дочь Анечку. Получив диплом, окончила и Литинститут им. А. М. Горького в 1974 году. В течение жизни опубликовано немало книг художественной прозы.

По моим сценариям снят и ряд кинофильмов, как игровых, так и документальных. Исколесила полмира. Будь то Великая Китайская стена и дом Дэн Сяопина или парад в Париже в честь последнего года у власти Шарля де Голля, египетские пирамиды или Иерусалим, мученический путь Христа на Голгофу (храм Гроба Господня), чукотские яранги на берегу Ледовитого океана или Георгиевский зал в Кремле — всё это и многое другое нашло отражение в моём творчестве.

Мой многолетний учитель по Литинституту, великий поэт Михаил Светлов, написал обо мне статью, которая заканчивается так: «Ирина, я называю тебя талантливой! Смотри не подведи меня!» Что я и стараюсь делать всю жизнь.

И. Ракша

I. УРОК БЕЗ КОНЦА

*Моим стихам,
как драгоценным винам,
настанет свой черёд.*

М. Цветаева

ТРИПТИХ «НА ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ»

мемуары

*...Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья...*

М. Львов

В последнее время я часто раскрываю мои старые, потрёпанные фотоальбомы. Всегда пристально и даже увлечённо рассматриваю старые и не очень чёрно-белые фотографии. А за жизнь их накопилось немало. Правда, мой сверстник и тоже вгиковец Гена Шпаликов написал: «По несчастью или к счастью, истина проста: / Никогда не возвращайся в прежние места. / Даже если пепелище выглядит вполне, / Не найти того, что ищем, / Ни тебе, ни мне».

И Гена был прав, не надо ездить в покинутые места. Ибо от перемен сердцу станет больно до слёз...

Но у меня-то совсем другое дело. В прошлом я ничего не ищу. Я художник и лишь констатирую. И ничего ни с чем не сравниваю. Напротив, я как по пунктиру лет, по пунктиру десятилетий иду оттуда, из далёкого далёка, к себе, в наше сегодня, по пути рассматривая бесценные стоп-кадры прошедшего. («Остановись, мгновенье, ты прекрасно».) Так интересно их рассматривать. Тщательно, со вниманием. И не только

выражения лиц героев, их жесты, фигуры, одежды, а буквально все детали вокруг. Детали быта тех лет, даже самые малые, мелкие. Но которые так много говорят о своём времени. Вот, например, фото — моя мама, студентка Тимирязевской сельхозакадемии, со мной, малой крохой в чепчике, бережно держит дитя на коленях. Мама юная (ей всего девятнадцать), худущая, присела на край какой-то оградки и, улыбаясь, что-то живо говорит, очевидно, любимому мужу, моему папе, тоже студенту, но уже выпускнику ТСХА. Это Лиственная аллея, весенний солнечный день 1939 года. За спиной — общежитие, краснокирпичный трёхэтажный дом. (Таких на аллее несколько, они и сейчас там стоят в ряд.) Малышка в чепчике, ничего не понимая, недоумённо и даже испуганно таращит глазки на чуждый и страшный для неё мир. На маме клетчатое дешёвенькое в обтяжку платье. Белые носочки по моде тех предвоенных лет. И туфельки белые, парусиновые (т. е. из парусиновой ткани), утром начищенные для форса зубным порошком...

А вот другая фотография, снятая через два года. Папа — выпускник ТСХА, факультета механизации. Одно время факультет назывался МИМЭСХ, иначе говоря, Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. И папа с отличием его окончил. Он вообще острого был ума, изобретатель любых машин, очень любил их и понимал, как живых: ему было любо всякое колесо, колесо, любой узел. Изобретённые им модели — хлопкоуборщик, жатка по гороху, картофелеуборочная и, наконец, к концу жизни шедевр — машина СКР-64. То есть «Сеялка-культиватор системы Ракша» 1964 года. По всей стране на селе эта машина, эта сеялка была очень востребована и любима.

И вот на этой чёрно-белой фотографии папа на первой своей официальной работе на ВСХВ, сидит за директорским столом павильона «Хлопок». (После свадьбы с мамой папа, деревенский плебей с Украины, стал москвичом, и после окончания института его сразу же пригласили работать на только что строившуюся чудо-выставку (ВСХВ) директором павильона «Хлопок».) А почему именно «Хлопок»? Да потому, что он не раз бывал ещё на студенческой практике в Узбекистане,

работал бригадиром на бескрайних хлопковых полях. Даже получил звание «Ударник социалистического труда». Есть даже малюсенькая фотография, где папа в полосатом халате и тюбетейке сидит на двугорбом верблюде. Эта фотография мою маму очень забавляла. Она смеялась: «Ну, Женька, ты тут прямо настоящий бай». Папа отшучивался: «Не бай, а нищий феллах. А вот когда мы получили там большие “хлопковые наградные”, в Москву возвратился баем. Купил себе первый приличный костюм. Помнишь, серый такой? И новые парусиновые ботинки. Ну прямо “кум королю и сват министру”». И лукаво щурился: «И, кажется, я тебе даже понравился?» Мама в ответ кокетничала: «А ты меня и в старых штiblетах увлёл...» И ещё о тех годах папа говорил особую мудрость: «Если ты знаешь, что у тебя дома в шкафу висит новая одежда, ты в любом рванье чувствуешь себя гордо и уверенно».

И вот с этой фотографии папа уверенно смотрит на меня взглядом своих голубующих глаз. Из того предвоенного 1939 года. Он за директорским столом именно в том образцово-сером костюме. Но теперь его дом уже не общежитие на Лиственной аллее ТСХА, а совсем рядом с выставкой, за её оградой, на Третьей Останкинской улице. Ему, ныне «семейному москвичу» с ребёнком, выделили в бараке № 6 две комнаты — аж в целых тридцать квадратных метров. И ещё ему как директору павильона полагалась даже «выездная» легковая машина для деловых поездок. За рабочим столом директора он без галстука, в рубашке-вышиванке, и на левом лацкане пиджака виден орден — его первая Государственная награда — орден «Знак Почёта». Он получал её в Кремле от дедушки Калинина, всесоюзного старосты. Конечно, это был самый малый, низший орден (в табели о рангах). Но как почётно было носить его каждый день. Свой первый орден с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» он получил за успехи в работе и на хлопковых полях, и в ТСХА, и на строительстве выставки ВСХВ. Конечно, он не знал тогда, что орденов и медалей на его груди будет ещё немало. И за мирный доблестный труд, и за Победу над фашистской Германией. Война и судьба танкиста были ещё впереди.

А пока на фото перед ним на столе скромный казённый письменный прибор с двумя стеклянными чернильницами, полными налитых чернил. А в стакане деревянная тонкая ручка с железным пёрышком-лягушкой.

И рядом пресс-папье с промокашкой, чтобы чернила не расплывались по листку. Вот вам и все «богатства» директора в кабинете ВСХВ 1939 года.

У нас в останкинской барачной квартире, которую папе дали как сотруднику выставки, было несколько дорогих старинных предметов совершенно иной эпохи. Их подарили мои бабушка с дедом. С Таганки. Они, глубокие интеллигенты, не одобряли брак их музыкально одарённой Ниночки (уже мастерски игравшей на фортепиано Шопена и Моцарта) с деревенским, крестьянским парнем откуда-то с Украины. Это был моветон. Но когда их дочка, восемнадцатилетняя студентка, объявила им, что она в положении от этого «красавчика» (правда, уже аспиранта ТСХА), они запретили своей Ниночке избавляться от ребёнка. И я всё-таки родилась именно благодаря бабушке с дедом. Более того, они подарили молодым на символическую свадьбу в нищую общежитскую комнатёнку несколько старинных дорогих вещей. Ломберный столик, пианино Zimmermann, чудо-картину в раме «Кто выше?», старинное кресло и большой персидский ковёр ручной работы с дивным орнаментом. И в будущем эти предметы всю оставшуюся жизнь сопровождали моих родителей, а потом и меня. А когда папа, получив диплом, стал директором павильона «Хлопок», мы переехали из общежития ТСХА в Останкино совсем неподалёку. В корпус № 6 по Третьей Останкинской улице для специалистов и строителей ВСХВ, и, конечно, вместе с этим маминым приданым. Из-за нескольких старинных вещей дворовая останкинская шпана долго называла нас «буржуями недорезанными».

Приданое было шикарное, но особенно хорош был старинный большой ковёр. И постелили его не на пол, а повесили на стену. Он спускался вниз и покрывал дощатый ящик-сундук. И изображал якобы роскошный диван. (В грубом этом прикрытом ящике мама летом хранила зимние пальто, а зимой — вещи летние. Пересыпала их нафталином, прокладывала газетами, побрызгав керосином. А с наступлением холодов вывешивала пальто на улицу и выбивала эту вонь вместе с редкой молью...)

На этом так называемом диване, где под ковром лежал ватный полосатый матрасик, всегда ночевал у нас какой-нибудь гость. А после войн гостей было особенно много. Все демобилизованные папины друзья разъезжались по домам через Москву. (Ведь Москва — перекрёсток всех дорог.) Интересно, где же тогда была я, малышка? И где была моя мама? Помнится, я сидела в углу за краем пианино и, выглядывая из-за него, следила во все глаза за каждым движением любимого папы, вернувшегося с фронта, и его друзей-героев. А мама с отцовским фотоаппаратом в руках (трофейная «лейка», будущий завод ФЭД, т. е. Феликс Эдмундович Дзержинский) послушно щёлкала кадр за кадром. Друзья были не только танкисты, как папа, а представляли практически все рода войск. Вот они на фотографии сидят вместе — родные, близкие друзья на этом ковре-диване у нас в Останкино. Это 1945 год. Это Победа! За каждой спиной у них не просто рота, батальон или дивизия, но и целая армия, Красная армия. Лётчиков, танкистов, артиллеристов, партизан. За каждым из них страна, Родина. Справа лётчик дядя Федя Егоров, друг нашей семьи. Рядом мой папа, танкист Евгений Ракша, рядом с ним механик-водитель танка. А слева родной мамин брат Лёва Трошев, мой дядя. (В 41-м ещё московским мальчишкой десятиклассник Лёвочка прибавил себе год, чтобы попасть сразу на передовую. И попал в самое пекло, в белорусские топкие болота к окружённым партизанам. Прошёл все ужасы отступления перед мощной фашистской машиной, а затем и наступление, когда мы победно погнали гитлеровцев до Берлина.) И в нашем доме неважны были звания, кто лейтенант, капитан или сержант. Хотя помню, как папа на мои слова «Ты лейтенант?» горячо возражал: «Нет, доченька, не лейтенант, а гвардии лейтенант». И я понимала, что это звание — *гвардии* — для него было особенно важным.

И вот спустя полвека я с любовью рассматриваю их кожаные портупеи, начищенные звёздные пуговицы, воротнички, медали и ордена. На «золотых» погонах знаки отличия, звёздочки, лётные крылышки, танки Т-34. А над ними как символ победы висит на персидском семейном ковре папин трофей — адмиральский фашистский кортик. На бархатной ленте, в золотых ножнах. Эфес с витой ручкой слоновой кости и чудо-орнамент на лезвии дамасской стали. А на конце рукояти — немецкий орёл, который держит в когтях уже поверженный